

INSPIRIA

ИСТОРИЯ ОТЦА ДЖЕФФРИ ДАМЕРА

МОЙ СЫН СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА

ЛАЙОНЕЛ ДАМЕР

INSPIRIA

Лайонел Дамер
Мой сын – серийный
убийца. История отца
Джефффри Дамера
Серия «Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69995521

Мой сын – серийный убийца. История отца Джефффри Дамера: Эксмо;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-194700-2

Аннотация

В июле 1991 года страну потрясли непостижимые преступления серийного убийцы Джефффри Дамера. С каждым днем мир узнавал все более грязные и ужасные подробности его убийств: расчленения молодых людей, лоботомия, некрофилия, каннибализм, и даже черепа, хранящиеся на самодельном алтаре в квартире... Но никто не был потрясен больше, чем родители самого Джефффри Дамера – любящие отец, мачеха и бабушка, много лет пытавшиеся помочь ему не скатиться на дно.

В своей откровенной книге Лайонел Дамер описывает, как постепенно странности Джеффа переросли в полномасштабную

одержимость убийствами, и анализирует, что как отец он сделал не так. Лайонел задаётся вопросом: почему его сын вырос монстром? Как вышло так, что вместе с ним в доме жил и вырос человек, которого он, по сути, совсем не знал? Это мемуары, легшие в основу экранизации Netflix «Монстр: История Джеффри Дамера» – уникальный взгляд на безумие маньяка глазами его родных; душераздирающее свидетельство того, что бесчеловечный ужас может таиться совсем рядом с тобой.

«Лайонел Дамер, отец серийного убийцы Джеффри Дамера, написал одну из самых смелых книг, когда-либо написанных о серийных убийствах». – Kirkus Review

«Добрый и благородный отец Джеффри Дамера, Лайонел, делится своими мемуарами о попытке примириться с натурой своего сына – массового убийцы, некрофила и каннибала». – Literary Review

«Что делает повествование Лайонела Дамера таким убедительным, так это то, что в своих мемуарах он пытается заглянуть не только в душу своего сына, но и в свою собственную». – The New York Times

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие ко второму изданию книги	9
Часть первая	13
Глава первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лайонел Дамер

Мой сын – серийный убийца. История отца Джефффри Дамера

*Я хочу, чтобы из всего горя, причиненного
стольким людям действиями Джефффа, вытекало
что-то положительное. Именно в духе этого
желания и искреннего сочувствия я намереваюсь
пожертвовать прибыль от этой книги семьям
жертв. В то время как никакие деньги не могут
унять боль от потери, я надеюсь, что то небольшое,
что я способен сделать, хоть как-то им поможет.*

*В глубинах ужаса ручьем бежит
Та нить, что сына и отца соединит.
Уильям Вордсворт*

Lionel Dahmer
A FATHER'S STORY

Copyright © 1994, 2021 by Lionel Dahmer

All rights reserved including the right of reproduction in
whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Susan Schulman
Literary Agency, New York.

© Мзареулов В.К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Эта книга – возможность заглянуть в жуткую жизнь одного из самых безумных убийц в истории страны, человека, который хранил в своем шкафу скелет убитой им жертвы.

Publishers Weekly

ЛАЙОНЕЛ ДАМЕР, отец серийного убийцы Джефффри Дамера, представил одну из самых смелых книг, когда-либо написанных о серийных убийствах. Дамер берет на себя большую часть вины за поступки сына, принимая во внимание генетическую предрасположенность к убийству, которую он, возможно, ему передал; описывает различные акты его собственной моральной слепоты, которые, вероятно, способствовали расстройству его сына; то, что он делал и не делал, когда появились определенные признаки. Скромная, умная – и чрезвычайно тревожная книга.

Kirkus Review

Книга Лайонела Дамера – это искренняя попытка самоанализа сбитого с толку отца, вынужденного

признать, что его сын – серийный убийца. И поскольку Дамер описывает рождение Джеффри, его раннее детство и долгое, мучительное, но необратимое погружение в безумие, его книга начинает читаться как продолжение «Ребенка Розмари». Мы понимаем, что Лайонел Дамер – всего лишь еще одна жертва своего сына, а его мемуары – это попытка изгнать демона, который его мучает. И его агония настолько глубока, что мы едва ли можем отказать ему в праве попытаться.

Los Angeles Times

Мемуары Лайонела Дамера – это отчасти попытка рефлексии, где Лайонел обвиняет себя в том, какое влияние его ужасный брак оказал на его сына, и в трудоголизме, который еще больше увеличил дистанцию между ними. Лайонел даже исследует свое детство в поисках подсказок о том, как его собственные склонности к доминированию и контролю могли передаваться Джеффри.

Семнадцать раз его сын являл собой худший кошмар каждого родителя, и Лайонел, в свою очередь, добросовестно и без жалоб переживал свой собственный родительский кошмар, проявляя безусловную любовь при самых ужасных и невероятных обстоятельствах.

The New Yorker

Серийные убийцы, осужденные или предполагаемые, несомненно, излучают некое мрачное величие. Среди них благодаря исключительной

оригинальности современным «императором», должно быть, является Джефффри Дамер. Его добрый и благородный отец, Лайонел Дамер, делится своими мемуарами о попытке примириться с натурой своего сына – массового убийцы, некрофила и каннибала.

Почти неизбежно, что книга, в которой предпринята попытка выделить родительскую роль в формировании столь причудливого человеческого существа, будет немного зловещей. Когда выясняется, что ребенок обладает такими чертами, все, что могут сделать родители, – это поразмышлять над каждой мельчайшей деталью его характера в надежде найти истоки зла.

Literary Review

Что делает повествование Лайонела Дамера таким убедительным, так это то, что в своих мемуарах он пытается заглянуть не только в душу своего сына, но и в свою собственную.

The New York Times

Предисловие ко второму изданию книги

После своей первоначальной публикации, отличных рецензий и всплеска национальной известности книга Лайонела Дамера достигла широкой аудитории, разошедшись сотнями тысяч экземпляров. Однако внимание средств массовой информации неизбежно переключилось на другие новости, внимание ослабло, и темпы продаж книги замедлились. В конце концов крупные издатели, которые опубликовали эту работу, решили не делать больше тиражей.

Интерес читателей, однако, никогда не исчезал. Иллюстрируя классический пример превышения спроса над предложением, в последнее время цены, уплаченные онлайн за рассказ отца, выросли до сотен долларов за один экземпляр. Даже подержанные экземпляры в плохом состоянии редко стоили ниже пятидесяти долларов. Исходя из этого устойчивого интереса, казалось очевидным, что книгу необходимо переиздать. В феврале 2017 года мы подписали контракт с мистером Дамером на переиздание его мемуаров.

Прежде чем снова опубликовать мемуары, Лайонел указал, что хочет внести в книгу некоторые небольшие изменения, чтобы исправить некоторые тонкие – и не очень тонкие – искажения, появившиеся в предыдущем издании. Мы с го-

товностью согласились сотрудничать с ним, чтобы опубликовать максимально точную книгу из возможных.

Вскоре после подписания нашего контракта стало ясно, что на внесение этих изменений потребуется некоторое время; на самом деле, довольно долгое. Хотя мы регулярно связывались с Лайонелом по поводу изменений, которые он хотел бы внести, месяц за месяцем, год за годом, наши телефонные звонки и напоминания по электронной почте мало что меняли. Главной причиной отсутствия прогресса было то, что Лайонел боролся со слабым здоровьем (на момент написания этой статьи ему 84 года), и его жена – о которой он очень заботится – сильно больна. Даже ее помощник сам болеет раком. Это мешало ему сосредоточиться на своих мемуарах. Но, с моей точки зрения, это было только частью причины.

По мере того как я работал с Лайонелом и завоевывал его доверие, мне стало ясно, что, несмотря на то, что он и его семья сталкивались с серьезными проблемами со здоровьем, у него существовали также сильные эмоциональные препятствия для пересмотра этой работы. Конечно, ничто не сравнится с болью и мучениями жертв Джеффри Дамера и их семей, но даже если кто-то другой страдает от большей агонии, чем ты, великая боль все равно остается великой болью. Кто мог бы винить Лайонела за то, что он колебался, прежде чем снова глубоко погрузиться в анализ и изложение своих мыслей о Джеффри? Кто в своем самом жутком кошмаре захотел

бы оказаться на его месте? Боль и мучения из-за действий Джеффри сокрушили бы большинство людей. Мало кто из нас мог себе представить, как это на самом деле. Когда тот, кого ты любишь, твоя собственная плоть и кровь, маленький мальчик, выросший на твоих глазах, воплощение всех надежд и мечт, которые есть у всех родителей, превращается в одного из самых известных и ужасных серийных убийц всех времен.

Это заняло почти четыре года, но в конце концов мы внесли изменения, которых хотел Лайонел. В контексте всей книги эти правки были небольшими, но они дают большую ясность о том, кто такой Лайонел, и, следовательно, немного лучше объясняют Джеффри Дамера и его действия. Хотя мемуары Лайонела – это всего лишь один аспект многослойной и экстремальной трагедии, у него, как у отца, действительно есть уникальный взгляд на произошедшее для всех, кто интересуется преступлениями Джеффри Дамера, его воспитанием и тем, как семьи справляются с деяниями своих детей. Каково быть отцом сына, чье имя является синонимом изощренного убийства? Что может рассказать нам его жизнь и жизнь Джеффри о продолжающихся дебатах по поводу природы и воспитания? Это трудные вопросы, над которыми приходится ломать голову, и со стороны Лайонела это очень смелый поступок – так открыто делиться деталями своей жизни. Я могу засвидетельствовать, что ему было трудно говорить и писать о своем опыте, но его усилия того

стоили. Я уверен, что вы найдете эту книгу увлекательным и ценным чтением.

*Маршалл Гликман,
издатель Echo Point Books & Media,
февраль 2021 года*

Часть первая

Если бы полиция сказала мне, что мой сын мертв, я бы думал о нем по-другому. Если бы они сказали мне, что незнакомый мужчина заманил его в убогую квартиру, накачал наркотиками, задушил, изнасиловал и изуродовал его мертвое тело, – другими словами, если бы они рассказали мне все то, что им пришлось рассказать многим другим отцам и матерям тогда, в июле 1991 года, я бы сделал то, что сделали они. Я бы оплакивал своего сына, я бы потребовал, чтобы человек, убивший его, получил по заслугам – казнен или гнил бы в тюрьме до конца его жалкой жизни. И после этого я бы постарался думать о своем сыне с теплотой. Я бы, надеюсь, время от времени навещал его могилу, говорил бы о нем с чувством утраты и любви, продолжал бы, насколько это возможно, хранить его память.

Но мне не сказали того, что сказали этим другим матерям и отцам – что их сыновья погибли от рук убийцы. Вместо этого мне сказали, что мой сын был тем, кто убил их сыновей.

Итак, мой сын был все еще жив. Я не мог похоронить его. Я не мог вспоминать его с теплотой. Он не был фигурой прошлого. Он все еще был со мной, как и сейчас.

Сначала, конечно, я не мог поверить, что это Джефф действительно виновен в том, в чем его обвинила полиция. Как

вообще кто-то мог поверить, что его сын способен на такое? Я действительно был в тех местах, где, по ее словам, он это делал. Я бывал в комнатах и подвалах, которые в другие моменты, по версии полиции, служили Джеффу бойней. Я заглянул в холодильник моего сына – там не было ничего зловещего, просто куча пакетов молока и банок из-под газировки. Я небрежно облокотился на черный стол – копы предполагали, что мой сын использовал его как разделочный стол и как причудливый сатанинский алтарь. Как возможно, что все это было скрыто от меня – не только ужасные физические доказательства преступлений моего сына, но и темная природа человека, который их совершил, этого ребенка, которого я держал на руках тысячу раз, и чье лицо – на фото, которое я мельком увидел в газете – так похоже на мое?

Улик становилось все больше, они становились все более чудовищными, и моя уверенность в том, что полиция ошибается насчет Джеффа, понемногу давала трещину. Мне оставалось только одно – приняв мысль, что убийства действительно совершались руками моего сына, продолжать верить, что он не мог сотворить такое самостоятельно, что он стал слепым орудием кого-то другого, кого-то более злобного, чем мой сын; кого-то, кто воспользовался одиночеством и изоляцией Джеффа и превратил его в раба. Я вызвал в воображении образ этого «другого» – вероятно, такой же сатанинский, как тот, что проник в воображение моего сына. Этот «другой» был злым гением и манипулятором, дьяволь-

ским Свенгали¹, который заманил Джеффа в круг своей власти, а затем превратил его в безвольного демона. Когда я позволил себе представить такого человека, воздух вокруг меня, казалось, наполнился мечущимися, визжащими летучими мышами, и я принял, хотя и ненадолго, мир, который был таким же отвратительным и злобным, как и то, что натворил мой сын.

Но я все же склонен к рациональному мышлению. Как бы мне ни хотелось поверить в реальность этого демонического «другого», мне пришлось признать, что это был не более чем фантом, который я создал, чтобы снять со своего сына хоть часть вины.

Итак, моя первая конфронтация была с самим собой, с тем фактом, что я рациональный человек. Я имею дело с реальными вещами, а не с воображаемыми. Доказательства есть доказательства, и они должны быть признаны таковыми. Не было никаких доказательств того, что кто-то заставлял Джеффа кого-либо убивать. Не было доказательств того, что кто-то помогал ему убивать. Не было даже никаких доказательств того, что кто-то знал, что Джефф – убийца. Его соседи чувствовали отвратительный запах, исходящий из его квартиры, но никто из них никогда не заходил внутрь. Они наблюдали, как Джефф входил и выходил из своей квартиры,

¹ Свенгали – персонаж романа английского писателя Джорджа Дюморье «Трильби» (1894) и его многочисленных экранизаций. Гениальный музыкант Свенгали – уродливый и подлый – обладает способностями к гипнозу и черной магии. (Здесь и далее примеч. ред.)

всегда быстро закрывая дверь, чтобы никто не мог заглянуть внутрь, но ни у кого из них никогда не закрадывалось и тени подозрения об ужасах, которые скрывались за ней.

Все, что творил Джефф, он всегда творил в одиночестве, всегда тайно. Никто не был повинен во всех этих смертях, кроме него. Места для сомнений не оставалось, и я должен был принять этот факт. Джефф сделал все это. Он один был виноват.

Так вот что на самом деле сказала мне полиция в июле 1991 года. Не то чтобы мой сын был мертв... но что-то внутри, то, что должно было заставить его задуматься о страданиях, которые он причинял, отвратить его от причинения зла, — это что-то, хотя бы в минимальной степени присущее большинству людей, в моем сыне было мертво.

Да, время от времени все люди бывают эгоистичны. Все люди в какой-то степени тщеславны и эгоцентричны. Но у большинства все же есть черта, которую нам не переступить. Мы можем причинять боль другим людям, но нормальный человек не пойдет далеко. Возможно, это «что-то» представляет собой не более чем химическое строение или особую конфигурацию клеток мозга. Мы называем это «совестью», «быть человеком» или «иметь сердце». Религиозные люди могут думать, что это исходит от Бога. Социологи могут подумать, что это происходит от морального воспитания. Я не знаю. Я могу только повторить: мне становилось очевидно, что в Джеффе эта группа клеток мозга, эта «совесть», этот

Бог, эта мораль либо умерла, либо вообще никогда не рождалась.

Так что вначале это и стало моим самым глубинным признанием – тот факт, что в Джеффе чего-то не хватает, той части, которая должна была кричать: «Остановись!»

Джефф смеется, пока Лайонел играет с ним. 1960 год

Джефф в объятиях своей матери в доме на Ван Бюрен
стрит. 1960 год

Глава первая

Мой сын Джефф родился в Милуоки 21 мая 1960 года. Беременность протекала тяжело. Мы зачали сына быстро, всего через два месяца после свадьбы, и ни один из нас, видимо, не был по-настоящему к этому готов. В течение первых двадцати недель беременности Джойс, моя жена, страдала от утренней тошноты. Со временем состояние неуклонно ухудшалось, переходя в более или менее постоянную тошноту, настолько сильную, что ей было трудно усваивать пищу. Постоянная рвота повлияла на ее трудоспособность, и в конце концов ей пришлось уволиться с работы инструктора по тейлтайпу.

После этого Джойс осталась дома, справляясь, как могла, не только с тошнотой, но и с другими недугами, как физическими, так и эмоциональными.

Шли недели, и Джойс все больше нервничала. Казалось, ее беспокоило все, но особенно шум и запахи готовки, которые исходили от соседей снизу (мы тогда жили в маленьком многоквартирном доме на две семьи). Ее бесил малейший шум, даже обычные запахи казались ей невыносимыми. Она постоянно требовала, чтобы я что-то сделал, хотела, чтобы я жаловался на каждый шум, на каждый запах. Легче сказать, чем сделать... Я вообще неконфликтный человек, а тут и жаловаться было особо не на что – на самом деле соседи

вели себя вполне нормально. Ни одна из проблем, на которые постоянно жаловалась Джойс, не казалась мне слишком серьезной.

Но Джойс в то время соседей просто возненавидела, и чем дальше, тем больше ее раздражало мое нежелание «призвать их к порядку». Мы начали ссориться. Однажды, чтобы избежать возникшего напряжения, Джойс вышла из дома и отправилась в ближайший парк. Была зима. Она сидела на засыпанной снегом скамейке, завернувшись в пальто, совсем одна, пока я не пришел за ней и не повел обратно. Я помню, как она дрожала под моей рукой, когда я вел ее домой. На ее лице была настоящая печаль, но, похоже, я мало что мог сделать, чтобы облегчить ее. Я чувствовал себя беспомощным. Она спрашивала меня, люблю ли я ее, и я всегда успокаивал ее, хотя, похоже, она не верила моим словам до конца.

Когда я вспоминаю эти моменты сейчас, я размышляю о потребности моей жены в любви и моей неспособности показать это так, чтобы это имело для нее значение. Я проявлял любовь, работая, прилагая усилия, заботясь о каждой ее материальной потребности, двигаясь к будущему, которое я ожидал разделить с ней. Конечно, моя женщина нуждалась не только в устойчивом материальном положении, но это было все, что я мог ей дать. Ох уж это мое рациональное мышление... Я видел себя ответственным мужем, добытчиком самого необходимого – еды, одежды, крова, – таким, каким был мой отец, мой личный пример того, каким должен быть

муж.

Тот факт, что Джойс было трудно принять меня таким, каков я есть, продолжал отравлять наш брак все эти месяцы. Это была проблема, которую наши условия жизни только усугубили, и в конце концов стало ясно, что эти условия надо как-то менять. Запах стряпни наших соседей казался Джойс прогорклым; звон их кастрюль и сковородок – невыносимым. И то, и другое мешало ей спать и так действовало на нервы, что у нее начались неконтролируемые мышечные спазмы, которые огорчали ее еще больше.

И вот, примерно за два месяца до рождения Джеффа, в марте 1960 года, мы переехали в дом моих родителей в Вест-Эллисе, штат Висконсин.

Но этот шаг мало облегчил состояние Джойс. Она продолжала страдать от продолжительных приступов тошноты, но вдобавок у нее развилась ригидность², которую ни один из осматривавших ее врачей так и не смог точно диагностировать. Временами ее ноги намертво застревали на месте, а все ее тело напрягалось и начинало дрожать. Ее челюсть дергалась вправо и приобретала такую же пугающую жесткость. Во время этих странных припадков ее глаза выпучивались, как у испуганного животного, и у нее начинала выделяться слюна, буквально с пеной у рта.

Каждый раз, когда у Джойс случался один из таких при-

² Ригидность – отсутствие реакции на стимулы или сопротивление им, например, вследствие резкого повышения тонуса анатомических структур.

падков, мы с родителями по очереди прогуливались с ней по столовой, пытаюсь снять скованность. Мы медленно обходили обеденный стол, Джойс едва могла ходить, но делала все возможное, пока я поддерживал ее. Однако эта процедура очень редко срабатывала. Из-за этого обычно приходилось вмешиваться врачу, который делал Джойс инъекции барбитуратов и морфия, в конце концов ее успокаивавшие.

Врач Джойс не смог найти никакой внятной причины этих внезапных приступов. Он предположил, что они коренятся в психическом, а не в физическом состоянии Джойс. Он сказал, что они, вероятно, были связаны с беременностью первым ребенком. Тем не менее что-то нужно было делать, и поэтому к уже прописанному Джойс списку лекарств врач добавил фенobarбитал³. Пользы он не принес, а эмоциональное состояние Джойс только ухудшилось. Она стала еще более напряженной и раздражительной. Она быстро обижалась и часто, казалось, злилась как на окружающих, так и на в целом суровый характер своей беременности.

В течение этого периода я делал все, что мог, для комфорта Джойс, но в то же время, как я теперь понимаю, я также довольно часто оставлял ее наедине с моими родителями. Я учился в Университете Маркетт, готовился к получению степени магистра аналитической химии и подрабатывал аспи-

³ Фенobarбитал – противоэпилептическое лекарственное средство из группы барбитуратов. Имеет многочисленные негативные побочные эффекты, ныне считается устаревшим.

рантом-ассистентом. В результате меня большую часть дня не было дома, особенно в последние два месяца беременности. Я уходил в семь утра и часто возвращался только в семь или восемь вечера. В течение этих долгих часов Джойс была вынуждена оставаться по большей части прикованной к дому, в компании моей матери. У нее даже не было водительских прав. Дни тянулись тяжело, и если Джойс иногда срывалась, разве можно было ее осуждать? Но все равно меня ее поведение сбивало с толку. Ну что такого было в шуме и запахах, из-за которого мы съехали с предыдущей квартиры? Обстановка в доме моих родителей была сносной – так почему она все время была так расстроена? Что тут такого ужасного?

Со временем я пришел к выводу, что нечего было и пытаться понять женщину. Эмоциональный настрой Джойс полностью отличался от моего. Там были пики и долины, взлеты и падения. Мой же настрой, как я осознал, когда разобрался в себе, всегда был и до сих пор остается широкой плоской равниной.

Чтобы справиться с ухудшением своего физического и эмоционального состояния, Джойс продолжала принимать различные препараты, порой по двадцать шесть таблеток в день. Без сомнения, это помогло облегчить физическую боль, но по части ее эмоционального состояния – чувства беспомощности и изоляции, которые переполняли ее, – облегчением и не пахло. Она становилась вспыльчивой и все

более и более отчуждалась — и от меня, и от моих родителей. Я чувствовал себя беспомощным, не в силах что-либо с этим поделать. Я никогда не умел читать эмоции. Так что я барахтался, делая все, что мог, по большей части безрезультатно. Джойс мои неуклюжие попытки утешить ее только бесили, и эта реакция иногда ставила меня в тупик, поскольку такой гнев сильно отличался от моего собственного подхода к вещам — общей пассивности, с которой я чаще реагировал на взлеты и падения жизни.

В любом случае мы так и не смогли по-настоящему примириться с конфликтами того первого года. Из-за этого я думаю, что этот первый неприятный опыт заложил основу для более длительного и еще более беспокойного брака. В каком-то смысле наши отношения так и не оправились от ущерба, нанесенного им на этой ранней стадии, так и не улучшились по-настоящему впоследствии.

Затем, в конце этого долгого испытания, родился мой сын.

Я был в Маркетте, когда это случилось. Было около четырех сорока пяти пополудни, я работал в кабинете аспиранта-ассистента, когда зазвонил телефон. Звонила мама, сообщив, что мой отец уже отвез Джойс в больницу Диконисс, всего в нескольких кварталах от Маркетта.

Я немедленно поехал в больницу. К моему приезду Джефф уже появился на свет. Я пошел прямо в комнату Джойс и нашел ее в постели, выглядевшей, конечно, измученной, но в то же время впервые за много недель вполне

счастливой.

– У тебя родился сын, – сказала она.

Прошло несколько минут, и я впервые его увидел. Он лежал в маленькой пластиковой колыбели, завернутый в синее одеяло. Я видел, как он спокойно спит, неподвижно лежа на боку с закрытыми глазами. Я пораженно уставился на него. Как же он был похож на меня! Как же отчетливо я видел собственные черты, словно в миниатюре, на этом крошечном розоватом личике!

«У тебя родился сын», – все еще звучали у меня в голове слова Джойс.

Да. У меня родился сын.

Сын, которого я позже назову в свою честь.

Джеффри Лайонел Дамер.

* * *

Джеффри прибыл домой через несколько дней. Одна из его ножек была в гипсе – необходимая ортопедическая коррекция незначительной деформации при родах, но в остальном он был в полном порядке. Джойс нежно держала его на руках, и пока я вез всех нас домой, я видел, как его маленькие глазки бегают туда-сюда, впервые познавая мир.

Я часто думаю о нем в этой первоначальной невинности. Я представляю себе формы, которые он, должно быть, видел, размытые движущиеся цвета, и, когда я вспоминаю его в

младенчестве, меня охватывает чувство беспомощного страха. Я смотрю в его глаза, тихо моргая, а потом вспоминаю все ужасы, которые они увидят позже. Я останавливаюсь на маленьких розовых ручках и мысленно представляю, как они становятся больше и темнее, думаю обо всем, что они сделают позже, о том, насколько они будут запятнаны кровью других людей. Невозможно примириться с этими видениями или избежать их печали. Они подобны сценам из разных миров, страницам из разных книг, так что невозможно представить, как конец жизни моего сына мог начаться с ее начала.

В те первые дни после рождения Джеффа мы были счастливы. Долгое испытание беременностью Джойс, казалось, закончилось, трудности были стерты из нашей памяти чудесным светом рождения нового человека. На какое-то время мы испытали ту радость, которую знают только родители, ощущение того, что жизнь внезапно обновилась и расцвела новыми красками. Свет, который переполнял наши сердца, Джойс выразила, сделав открытку с «объявлением о рождении». На лицевой стороне она нарисовала счастливого, улыбающегося младенца, окруженного водоворотом розовых пузырьков, его крошечный кулачок обхватил логарифмическую линейку. Внутри открытки было сочиненное ей самой стихотворение:

В химии так много формул
Среди научной суеты.

Встречайте нашу маленькую формулу,
Которую запатентовали мы!

Свое творение она размножила и разослала друзьям и родственникам.

Но это счастье длилось совсем недолго. Джефф успел прожить дома лишь несколько дней, когда снова начались проблемы.

Прежде всего встал вопрос о послеродовом уходе. Что-то в этих процедурах ужасно беспокоило и раздражало Джойс. Моя мать убеждала ее расслабиться, говорила, что болезненные ощущения и нервозность первых дней – естественное явление, и что через некоторое время Джойс привыкнет к режиму. Но Джойс так и не освоилась и не смирилась, а через несколько дней и вовсе забросила процедуры. Грудь она перевязала простыней, чтобы высушить их, а Джеффа отныне кормили из бутылочки.

Шли дни, и возникали другие проблемы. Тесное пространство спальни, которую мы делили с Джеффом, было источником напряжения и недовольства. Начались споры с моей матерью, которые быстро привели к постоянному напряжению и плохому самочувствию. Джойс все чаще отказывалась присоединиться к остальным за ужином, чтобы не пересекаться с моей матерью. Вместо этого она оставалась наверху, одна в своей постели, а Джефф спокойно спал в маленькой колыбели в нескольких шагах от нее.

Со мной Джойс тоже ссорилась, и эти ссоры, казалось, не имели разрешения. Она стала часто уходить из дома, и однажды я нашел ее почти в пяти кварталах от дома, лежащей в поле с высокой травой. Из одежды на ней была только ночная рубашка.

К тому времени, конечно, я узнал о собственном детстве Джойс, об алкоголизме ее отца, о том, как на всю ее семью влияло его взрывоопасное поведение и как долго Джойс стремилась противостоять его доминированию. Но когда я пытался проанализировать ее ситуацию, я всегда натывался на стену, которую был не в силах преодолеть. Что я мог сделать с ее прошлым? Как я мог его компенсировать? Что Джойс могла с этим поделать, кроме как, наконец, оставить все это позади? На мой взгляд, единственное, что можно сделать, – это отместить все страхи и жестокое обращение, которые ты пережил в детстве, и сосредоточиться на будущем. Мне это казалось простым, понятным и незамысловатым решением. Ты либо преодолеваешь трудности, либо будешь в конце концов раздавлен их тяжестью.

Мой взгляд, конечно, был совершенно одномерным. Моя замечательная идея «просто оставить все позади» была совершенно неосуществима, поскольку я не осознавал, что Джойс была более сложной личностью и, безусловно, более глубоко израненной, чем я мог себе представить. Ее поведение ставило меня в тупик, и в общении с ней я чувствовал себя беспомощным.

Я не мог понять, откуда взялись ее страхи и ярость, и поэтому часто избегал ее, убегая в свою лабораторию, где все было гораздо понятнее и где все реакции можно было систематически контролировать.

Из-за этого Джойс часто подолгу оставалась одна, изолированная, в некотором смысле беспомощная, в то время как я был на работе в Маркетте, и моя собственная жизнь протекала предсказуемо и очень успокаивающе. Конечно, я пытался скорректировать свой рабочий график, но все равно, даже находясь дома, я частенько занимался курсовой и готовился к экзаменам. Даже когда я был дома, часть меня была занята осуществлением того будущего, каким я его видел для всех нас, карьерой, которая, в конце концов, должна была помочь моей жене и ребенку.

Через некоторое время мне стало невозможно находиться в доме моих родителей – скопилось слишком много напряжения. И вот, в начале сентября, когда Джеффу было четыре месяца, мы переехали на Ван Бюрен-стрит в восточной части Милуоки.

Новая резиденция представляла собой старый дом, который был разделен на шесть отдельных квартир. Жилье было не то чтобы обветшалым, но и не совсем современным. У нас была квартира с одной спальней в доме, окна которой выходили на рабочий район города; местечко для семей с небольшими недорогими ресторанами и кафе-морожеными, в котором испытывающий трудности аспирант мог быть уверен,

что его жена и маленький сын в полной безопасности в его отсутствие.

К этому времени Джефф уже умел радостно лепетать. Он получал огромное удовольствие, сидя во время кормления на своем высоком стульчике и энергично выплевывая еду, даже когда мы изо всех сил пытались заставить его поесть. Казалось, он получал неистовое удовольствие от этого: его маленький животик трясся от хохота, а все тельце будто охватывала дрожь от невероятной радости.

Следующие два года, пока я работал в Маркетте, мы жили в этой квартире. Джойс оставалась дома с Джеффом, заботясь обо всех его нуждах. Она брала его с собой на прогулки в коляске, однажды пройдя все пять миль до университета, чтобы сделать мне сюрприз.

Все это время в наших отношениях чередовались и хорошие, и плохие времена. Еще не наступил период постоянного напряжения, как в следующие годы. Джойс стала более расслабленной, как будто наконец начала приспосабливаться к своей новой роли жены и матери. Мне она казалась достаточно счастливой и довольной. Что касается Джеффа, он рос жизнерадостным и симпатичным ребенком. Он постоянно носился по дому туда-сюда, а также по тротуару сбоку от дома. Однажды он споткнулся, попав в трещину в асфальте, упал и разбил в кровь подбородок. Я отнес его в дом, Джойс оказала ему первую помощь, и мы оба успокаивали Джеффа, пока он постепенно не перестал дрожать и испуганно хватать

ртом воздух. Он любил играть с обычными мягкими игрушками, кроликами и собаками, с деревянными кубиками, которые он аккуратно складывал, чтобы затем опрокинуть внезапным мощным толчком. Осенью, находясь в своем манеже, он иногда собирал окружающие листья и начинал яростно их рвать. Однажды, когда я спросил его, что он делает, он просто ответил: «Фыфаю листья», что означало «срываю листья». Затем он улыбнулся.

* * *

В сентябре 1962 года мне предложили стать ассистентом аспиранта по программе доктора философии в Университете штата Айова. Я согласился, и вскоре после этого мы втроем переехали в кампус университета в Эймсе, штат Айова.

Мы обосновались в небольшом деревянном доме, принадлежащем университету и расположенном в местечке под названием Пэмел-Корт. Он был поменьше нашей старой квартиры в Милуоки и терялся среди множества похожих домиков и нескольких квонсетских ангаров⁴ времен Второй мировой.

Университет предложил мне щедрую стипендию. Мы с Джойс однозначно видели в этом новые возможности, шаг

⁴ Квонсетский ангар (*англ.* Quonset hut) – сборный модуль полуцилиндрической формы из гофрированного железа; впервые собран в 1941 году в местечке Квонсет-Пойнт, Род-Айленд.

вперед к лучшему будущему.

На новом месте жительства я быстро освоился с работой в университете. Сначала я был ассистентом преподавателя, но затем получил должность ассистента-исследователя, которая была мне гораздо больше по душе. На новой работе мне не нужно было иметь дело со студентами. Химические вещества, лабораторное оборудование и аналитические приборы – вот и вся тихая обстановка моей работы, практически исключаящей любое общение. Это кардинально отличалось от того, чем я занимался раньше. И, хотя мне нравилось общаться со студентами, новая работа в лаборатории предполагала разнообразные задачи, и вскоре я начал думать о ней как о месте, где я действительно преуспел. В лаборатории железные законы науки управляли хаотичным миром действий и реакций. В мире в целом, и особенно в том, что касалось моих отношений с Джойс, все было гораздо более зыбким и сложным. Приходя домой, я часто переставал понимать, что должен делать или как реагировать в данный конкретный момент. В лаборатории, напротив, я чувствовал себя в безопасности и мог быть уверен в своих суждениях и в своем опыте. Вне ее стен я чувствовал себя гораздо менее уверенным в себе, гораздо менее способным правильно воспринимать вещи. В результате я остался в лаборатории не только потому, что там было много работы, но и потому, что чувствовал облегчение и комфорт от того, что мог адекватно воспринимать происходящее, понимать законы, которые

управляют вещами и процессами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.